

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE » Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ

10 января 1882
29 декабря 1881

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Признаки и перфшительность земской оппозиціи. — 2) Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ. М. Драгоманова. — 3) Отъ редакціи. — 4) Изъ Бѣлграда (Корресп. «Вольнаго Слова») В—ча. — 5) Соціальный вопросъ въ Черногоріи. — 6) Литературно-политическія замѣтки. I. Новыя русскія статьи по польскому вопросу. (Окончаніе). М. Драгоманова. — 7) «Русь» г. Аксакова о «Вольномъ Словѣ». — 8) Хроника рабочаго движенія. I. Франція, II. Австро-Венгрія, III. Испанія.

ЖЕНЕВА, 10 января, 1882 г.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, истекшихъ послѣ написанія статьи въ прошломъ № «Вольнаго Слова»: «Новыя заявленія о необходимости общаго земскаго собора въ Россіи», русскія газеты принесли намъ извѣстіе еще о новыхъ земскихъ собраніяхъ, которыя болѣе или мѣнѣе ясно высказались въ пользу созыва представителей всѣхъ земствъ или по крайней мѣрѣ въ пользу выбора «свѣдущихъ» людей самими земствами. Въ такомъ смыслѣ высказались въ послѣднее время губернскія земства: херсонское, новгородское, псковское, полтавское, смоленское и казанское. Изъ нихъ новгородское земство сдѣлало и постановленіе, чтобъ предсѣдатель и члены управы не принимали приглашенія въ комиссію г. Каханова безъ уполномочія земства.

Интересны обстоятельства, сопровождавшія опредѣленіе земства полтавскаго. Еще въ началѣ прошлаго октября въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Полтавѣ предсѣдатель его, губ. предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ по поводу рѣчи мѣстнаго губернатора, что надѣется раскрытія широкой дороги для дѣятельности земства, — и что «изъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ во время недавняго пребыванія въ Петербургѣ и изъ бесѣдъ его

съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатьевымъ, онъ приходитъ къ заключенію, что правительство ждетъ только достаточно основательнаго повода, чтобъ допустить само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». (Трудъ, 1881, № 96).

Но замѣчательно, что даже это сообщеніе кievской газеты, — не опровергнутое никѣмъ, — не было однакожъ перепечатано другими изданіями, — (гр. Игнатьевъ очевидно просто проболтался на единѣ съ г. Устимовичемъ, приобрѣвшемъ репутацію либеральнаго предводителя дворянства, и воображая, что имѣетъ дѣло съ туркомъ или персомъ, никакъ не ожидая, что его болтовня перейдетъ въ газету). За тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ правительство гр. Игнатьева ничѣмъ не обнаружило желанія «допустить накопецъ само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». Все, должно быть ждетъ «достаточно основательнаго повода», — хотя, казалось бы, для самодержавнаго правительства нечего ждать другого повода, какъ собственное желаніе, еслибъ оно у него было.

Теперь заявленія столькихъ земствъ, должны бы быть признаны за поводъ довольно «достаточный» для правительства благомыслящаго и искренняго. Но въ томъ то и дѣло, что теперешнее правительство русское вовсе не таково. Судя по изложенію въ той же кievской газетѣ о засѣданіи 15 декабря экстреннаго полтавскаго губернскаго земскаго собранія, можно видѣть, что и самъ предсѣдатель этого собранія успѣлъ за послѣдніе три мѣсяца разочароваться въ своихъ оптимистическихъ надеждахъ. По крайней мѣрѣ, когда гласный, проф. Лучицкій предложилъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ въ комиссію г. Каха-

нова были приглашены «дѣйствительно свѣдущіе люди, выбранные отъ земствъ», — то г. Устимовичъ призналъ неудобнымъ ставить на обсужденіе вопросъ въ такой общей формѣ, такъ какъ она выходитъ изъ сферы мѣстныхъ интересовъ и нуждъ и предложилъ его въ иной формѣ, съ которою согласился и г. Лучицкій и большинство собранія, — а именно: «ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы при обсужденіи вопроса о реорганизаціи мѣстныхъ учреждений, комиссіею былъ бы выслушанъ представитель отъ полтавскаго земства».

Безспорно, ходатайство въ такой формѣ ближе къ буквѣ «положенія о земствѣ» и поставило бы правительство въ невозможность отвѣтить на ходатайство, что — моль оно выходитъ изъ законной сферы дѣйствія земскихъ учреждений, мѣстныхъ. И если бъ всѣ земства принимали рѣшенія въ такомъ родѣ, то изъ совокупности ихъ ходатайствъ вышло бы въ концѣ концовъ ходатайство объ общемъ земскомъ соборѣ. Но именно поэтому подобная постановка вопроса и есть ничто иное, какъ благонамѣренный юридическій крючекъ, къ которому никто не станетъ прибѣгать, имѣя дѣло съ правительствомъ искреннимъ. Правительство же неискреннее всегда найдетъ свой крючекъ, чтобъ увернуться отъ исполненія непріятнаго ему ходатайства, или же, по столько разъ повторившимся примѣрамъ императорскаго правительства въ Россіи, совсѣмъ не отвѣтитъ на земское ходатайство, самымъ легальнымъ способомъ редижированное.

Земствамъ Россіи ничего не остается, какъ поступить въ своемъ родѣ по наполеоновской фразѣ: sortir de la légalité pour entrer dans le droit (выйти изъ законности, чтобъ вступить въ право) и поставить дружно, вопросъ о созваніи земскаго собора безъ всякихъ обиняковъ и вовсе не въ видѣ постановки выборныхъ свѣдущихъ людей въ

кахановскую комиссію, — а таки настоящим земскаго собора, для рѣшенія всѣхъ государственныхъ вопросовъ, — политическихъ, административныхъ, экономическихъ и т. д. Въдѣ вотъ уже четвертый годъ разныя земскія и дворянскія собранія говорятъ въ сущности о томъ же, только обипякомъ да порознь, — и ничего не могутъ добиться отъ правительства, а дѣла страши идутъ все хуже, да хуже. Остается одно изъ двухъ: или умолкнуть и подставить смиренно голову подъ всѣ грядущія катастрофы, внутреннія и внѣшнія, — или заговорить сговоромъ, безъ обипяковъ и рѣшительно.

Обѣщанная въ предыдущемъ №-рѣ «Вольнаго Слова» статья, по поводу австро-русскаго соглашения, за недостаткомъ мѣста отлагается до слѣдующаго №-ра.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И МУЖЕСТВО ВЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ВЪ ШПІОНСТВѢ.

Въ 45 № «Общаго Дѣла» помѣщена статья г. В. З. «Теоретическія основанія суда надъ шпіонами». Статья эта раздѣляется на двѣ части: на теоретическую замѣтку о данномъ предметѣ и на постъ-скриптъ, — очевидно практическаго характера. Постскриптъ этотъ, оканчивающійся заявленіемъ, что «Вольное Слово» есть органъ гг. Игнатѣева, Божидаровича и Драгоманова» могъ бы провозводить вполне соотвѣтственное текущимъ свѣточнымъ днямъ впечатлѣніе балаганнаго дивертисмента, — если бы въ немъ не было повторенія доноса, сдѣланнаго восхваляющею политикой гр. Игнатѣева газетою г. Суворина, доноса на г. Божидаровича никому другому, какъ тому же графу Игнатѣеву.

По теоретическая половина замѣтки г. В. З. затрогиваетъ вопросъ во всякомъ случаѣ нелишний интереса, при настоящемъ печальномъ положеніи Россіи и россіянъ за границею, а потому, разъ онъ поднятъ, — мы думаемъ, что не бесполезно будетъ услышать о немъ мнѣнія съ разныхъ сторонъ. Сущность мнѣнія г. В. З. резюмирована въ слѣдующихъ словахъ:

«Всякій не только революціонеръ, но просто честный человѣкъ, заподозривъ лицо въ шпіонствѣ, не только имѣетъ право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго. Опасность повредить одному лицу совершенно исчезаетъ передъ рискомъ сдѣлаться сообщникомъ гибели сотни людей, составляющихъ «солъ земли». Разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно; надо имѣть для этого полное нравственное убѣжденіе; оно назрѣваетъ само собой и помимо нашей воли; но разъ почувствовавъ его, надо имѣть мужество высказать его громко, не ожидая никакихъ уликъ, такъ какъ ихъ въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ. Кто отступаетъ передъ этимъ,

тотъ обременяетъ свою совѣсть гораздо худшимъ укоромъ, чѣмъ еслибы безпрекословно допустилъ друга играть съ человѣкомъ, котораго подозрѣваетъ въ шулерствѣ. И пусть онъ не оправдывается софизмами, пусть не говоритъ, что не рѣшается безъ уликъ заклеить человѣка позорнѣйшимъ обвиненіемъ: — его истинный мотивъ — трусость и малодушіе».

Мы не станемъ доказывать необходимости и возможности объективной процедуры и въ обвинительномъ процессѣ по поводу подозрѣнія въ шпіонствѣ, т. е. въ преступленіи столь тяжкомъ, что оно карается своего рода гражданской смертію, — безчестіемъ, — а иногда даже и физическою смертію, а потому требующемъ и весьма серьезнаго разслѣдованія. Мы попробуемъ стать вполне на точку зрѣнія субъективнаго процесса, рекомендуемую г. В. З., которая дѣйствительно въ экстренныхъ случаяхъ бываетъ единственно возможною, — но поднимаемъ вопросъ не о достаточности для того или другого субъекта тѣхъ или другихъ основаній для суда надъ шпіонами, а объ тѣхъ требованіяхъ, какія нравственно развитое общество должно предъявить и къ самимъ обвинителямъ шпіоновъ.

Во всякой субъективной процедурѣ все зависитъ именно отъ дѣйствующаго субъекта. Самъ г. В. З., даже заявляя, что всякій, заподозрѣнный другого въ шпіонствѣ, обязанъ высказать свое подозрѣніе, «хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго», — прибавляетъ однакожъ: «разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно». Очевидно, что человѣкъ нелегкомысленный поступитъ согласно послѣднему наставленію г. В. З., а человѣкъ легкомысленный поступитъ по своему легкомыслию, — равно какъ субъектъ нравственно развитой употребитъ нравственныя способы для своего «полнаго нравственнаго убѣжденія» въ винѣ другого, — а субъектъ испорченный или нравственно-неразвитой прибѣгнетъ и къ соотвѣтственнымъ способамъ. Тутъ то и нужно, чтобы судьей и надъ заподозрѣннымъ, и надъ обвинителемъ было нравственно-развитое общество, въ интересахъ котораго производится и самый процессъ обвиненія.

Вотъ именно нравственно развитое общество и должно не только требовать нелегкомысленности обвиненій, но также не одобрять и примѣшиванія къ слѣдствію надъ предполагаемымъ шпіономъ личныхъ и въ частности своекорыстныхъ цѣлей, а также употребленія, для уличенія заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ, шпіонскихъ же средствъ: особенно такихъ, какъ подставка лицъ, провокація, опанваніе, кража бумагъ и т. п., потому, между прочимъ, что эти средства могутъ вести просто къ частному шантажу, а иногда, когда слѣдствіе попадетъ на болтуна, а не на дѣйствительнаго шпіона, то и къ доносу именно правительству. Въ эту же категорію недовольствительныхъ шпіонскихъ дѣйствій должно быть отнесено и раскрытіе литературныхъ анонимовъ и псевдонимовъ, подъ предлогомъ усерднаго разоблаченія правительственныхъ агентовъ и укрывателей шпіоновъ, такъ какъ такое раскрытіе можетъ легко обратиться въ орудіе лавочной борьбы

посредствомъ новой формы доносовъ правительству же, которому писанія этихъ анонимовъ и псевдонимовъ не могутъ нравиться. Затѣмъ общество должно требовать отъ обличителей шпіоновъ, чтобы они высказывали свои подозрѣнія, а особенно обвиненія, именно «открыто и мужественно», подкрѣпляя свои обвиненія своими именами, и если обвиненіе переходитъ въ печать, то своими именными подписями.

Въ случаяхъ совершенно экстренныхъ, однихъ такихъ открытыхъ и мужественныхъ личныхъ заявленій со стороны людей, къ которымъ общество можетъ имѣть довѣріе, совершенно достаточно, если не для обвиненія лица, то для предостереженія общества. Въ случаяхъ же не такъ экстренныхъ обычая цивилизованныхъ людей, между прочимъ и французовъ, на которыхъ ссылается г. В. З., — выработали третейскіе суды, которые, внимательно разобравъ дѣло, публикуютъ свои рѣшенія съ поименованіемъ и свидѣтелей, и самихъ себя, какъ судей. Отступленіе же отъ подобнаго открытаго и единственно мужественнаго способа обвиненія, напр. сокрытіе обвинителей за анонимы, за безыменные коллективности и за ихъ ничего не утверждающихъ и безответственныхъ секретарей, при дозволѣніи употреблять, на слѣдствіи противъ подозрѣваемыхъ шпіоновъ, средства шпіонскія же и безнравственныя, угрожаетъ образованію даже около самой кристаллической «солъ земли» такую грязь, въ которой не различить, гдѣ оканчивается прокуроръ свободы, а гдѣ начинается шулеръ, и гдѣ оканчивается шпіонство революціонное, а гдѣ начинается правительственное. Грязь эта, конечно, не послужитъ ни къ пользѣ, ни къ украшенію ни земли обыкновенной, ни «солъ земли».

М. Драгомановъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Мы помѣщаемъ вышеприведенную замѣтку, съ идеями которой вполне согласны, какъ необходимое дополненіе къ нашему примѣчанію къ письму г. Гутермана и приложенному къ нему «документу» (см. въ 19, Шпіонство въ Женевѣ). Этими, по нашему мнѣнію, исчерпывается весь incident гг. Франка и Гутермана въ его теоретической части; а такъ какъ съ практической стороны онъ уже совсѣмъ не можетъ интересовать скольконибудь широкій кругъ читателей, то тѣмъ болѣе будетъ понятно наше намѣреніе не возвращаться впредь къ этому предмету.

Что же касается до возобновленія, по этому поводу, г. В. З. сплетни о томъ, что «Вольное Слово» есть органъ гр. Игнатѣева, — то мы тоже въ послѣдній разъ скажемъ слѣдующее:

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ инсинуація въ такомъ смыслѣ была пущена въ оборотъ «Общимъ Дѣломъ». Мы отвѣчали этой газетѣ предложеніемъ выступить противъ насъ съ фактическими обвиненіями, — но таковыхъ не дождались и по сию пору. Въмѣсто того наши обвинители пускались въ такія передержки, какъ напр. выписка изъ корреспонденціи изъ Босніи съ выраженіемъ тамошнихъ надеждъ на гр.

Игнатъева и сокрытіе нашихъ возраженій противъ этихъ надеждъ. Наконецъ, «Общее Дѣло» собралось на выходку г. В. З., общенную по достоинству въ вышеприведенной замѣткѣ. Очевидно, людямъ извѣстнаго сорта подобныя выходки даются очень легко, и потому они могутъ плодить ихъ до безконечности.

Съ своей стороны мы заявляемъ разъ навсегда, — что «Вольное Слово» не имѣетъ никакихъ отношеній ни къ какимъ официальнымъ, ни оффиціознымъ лицамъ, ни учрежденіямъ, — а есть изданіе вполне независимое и не имѣетъ другихъ цѣлей, кромѣ, посредствомъ свободнаго отъ цензуры слова, служить свободному развитію народа въ областяхъ Россіи и въ сосѣднихъ и родственныхъ имъ странахъ. Болѣе двадцати номеровъ нашей газеты лежатъ передъ публикою, — и она можетъ судить о томъ, чему и какъ служить эта газета, кому и чему она можетъ быть полезна и вредна. Въ такомъ же направленіи мы будемъ издавать «Вольное Слово» и впредь, до тѣхъ поръ, пока намъ хватитъ средствъ, или пока освобожденіе печатнаго слова въ Россіи сдѣлаетъ заграничныя русскія изданія излишними, — и предоставляемъ клеветать на насъ кому угодно и сколько угодно. Будетъ же время, когда всѣмъ станетъ ясно, кто служилъ дѣлу свободы въ Россіи, а кто, сознательно или безсознательно, ему противодействовалъ. Съ спокойной совѣстью мы будемъ ждать этого времени общественнаго суда и надъ нами, и надъ нашими клеветниками.

ИЗЪ БЪЛГРАДА.

31 декабря 1881 г.

Въ настоящее время Сербія во многихъ отношеніяхъ очень интересная страна. Послѣ политическаго гнета подъ правительствомъ Ристича, правительство прогрессистовъ дало, хотя и въ самомъ маломъ размѣрѣ, свободу слова и печати, свободу сходахъ; началась разнообразная политическая жизнь, которая продолжаетъ развиваться. Я намѣренъ отъ времени до времени сообщать Вамъ о важнѣйшихъ проявленіяхъ этой жизни, надѣясь, что это будетъ интересовать читателей «Вольнаго Слова».

Общественное мнѣніе въ Сербіи занимаетъ теперь всего болѣе вопросъ о перемѣнѣ конституціи. Прогрессистское правительство поэтому и держится, что обѣщало дать новую конституцію. Имѣвшая конституція дѣлаетъ верховное право народа совсѣмъ призрачнымъ и отдаетъ всю силу власти князю. Она не гарантируетъ народу свободы, а министерская отвѣтственность въ дѣйствительности не существуетъ. Съ помощью этой конституціи Ристичъ и могъ держать Сербію въ осажденномъ положеніи и по окончаніи сербско-турецкой войны. Только случайность дала возможность прогрессистамъ добиться правленія. Въ какомъ направленіи правительство думаетъ совершить перемѣну конституціи, объ этомъ оно молчитъ. Ходятъ слухи, что оно намѣрено предложить введеніе двухъ палатъ. Радикальная и социалистическая печать уже теперь борется за жизнь и смерть противъ этого намѣренія правительства.

На дняхъ были дополнительные выборы въ Скуп-

штину въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ Бѣлградѣ. За исключеніемъ Бѣлграда, вездѣ одержала побѣду радикальная оппозиція. Въ Бѣлградѣ побѣдили прогрессисты. Я и не упоминалъ бы Вамъ объ этихъ выборахъ, если бы въ нихъ работники въ первый разъ не приняли самостоятельнаго участія и не выставили своего собственнаго кандидата. Еще интереснѣе и важнѣе въ этомъ то, что ихъ кандидатъ (редакторъ социалистической газеты «Радникъ», Ценичъ) имѣлъ 80 голосовъ больше чѣмъ кандидатъ радикальной партіи, и 40 больше чѣмъ либеральный кандидатъ.

Черезъ нѣсколько дней начнутся засѣданія народнои скупщины здѣсь въ Бѣлградѣ. Она будетъ рѣшать важные вопросы, между прочимъ о смертной казни, о монастыряхъ и т. п. Радикальная оппозиція готовится напасть на правительство изъ многихъ его дѣйствій и во внутренней и въ внѣшней политикѣ. Эта скупщина должна согласиться на перемѣну конституціи.

Статуты австро-венгерской омадины не получили законнаго утвержденія. Это уже во второй разъ. 1-го января 1882 года будетъ по поводу рескрипта австро-венгерскаго правительства на счетъ статутовъ, сѣздъ нѣкоторыхъ членовъ омадины въ Бершецѣ. Я буду присутствовать на этомъ сѣздѣ и напишу Вамъ о томъ, что будетъ сдѣлано. Омадинское движеніе въ Австро-Венгріи имѣетъ очень важное значеніе; поэтому правительство и не хочетъ, что-бы омадина организовалась не только какъ политическое, но даже какъ литературное общество.

В—чъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЧЕРНОГОРИИ.

Заглавіе настоящей статьи, вѣроятно, заставитъ улыбнуться тѣхъ изъ читателей, которые привыкли думать о Черногорцахъ только въ связи съ походами и сраженіями. Соціального движенія, правда, въ Черногоріи пока еще нѣтъ, но социальный вопросъ, не только существуетъ, но и становится болѣе и болѣе острымъ. Конечно, онъ отличается отъ соціального вопроса гдѣ бы то ни было на столько же, на сколько Черногорія отличается отъ всякой другой страны.

Главное и существенное отличіе въ томъ, что Черногорія собственно *) никогда не предназначалась природою служить обиталищемъ человѣка; въ разщелинахъ этихъ безводныхъ и безночвенныхъ скалъ врядъ ли кто либо поселился бы добровольно. Въ странѣ явились жители только тогда, когда турецкое нашествіе заставило храбрѣйшихъ изъ Герцеговинцевъ и Албанцевъ искать себѣ убѣжища, недоступнаго для Турокъ. Убѣжище они дѣйствительно нашли на Черной Горѣ, и мужество невольныхъ поселенцевъ сдѣлало еще болѣе неприступною эту естественную крѣпость; но не могли они найти себѣ въ ней пропитанія. Кое гдѣ между голыхъ скалъ, въ углубляющихся воронкообразныхъ котловинахъ, называемыхъ здѣсь поля, завелось земледѣліе; въ другихъ мѣстахъ нашлись только скудныя пастбища для малорослой, худой породы скота, почти столько же выносли-

*) т. е. Катунская и окрестныя нахін, къ которымъ только въ позднѣйшее время присоединилась Бърда. Впрочемъ, исключая Бѣлопавичей (узкая долина верхней Зеты), природа Бърды весьма сходна съ Черногорской.

вой, какъ и люди этой земли. Скотоводство, однако, также мало какъ и земледѣліе, могло прокормить Черногорцевъ; странно сказать, но совершенно вѣрно, что Черногорія, съ ея 10—12 жителями на квадратный километръ, всегда страдала относительнымъ многолюдствомъ! Трудомъ прокормиться они не могли, да и трудиться было часто напрасно: почти каждое лѣто Турки дѣлали набѣгъ, съ дѣлю именно испортить жатву, не дать Черногорцамъ собрать ее, при этомъ же разоряли жилища, вырубали лѣса, засыпали колодцы, однимъ словомъ поступали какъ осаждающій крѣпость непріятель, который старается морить гарнизонъ голодомъ. Оттого понятно, что всѣми работами дома, а въ иныхъ округахъ и въ полѣ, занимались одни женщины; мужчинамъ, отъ мала до велика, сторожившимъ непріятеля, было нѣкогда.

Сильна видно была любовь къ свободѣ въ жителяхъ сосѣднихъ странъ, если число Черногорцевъ, постоянно истребляемыхъ Турками и голодомъ, пять вѣковъ пополнялось удалцами со всего полуострова, особенно же изъ Герцеговины. Потребность въ пищѣ и чувство мести, самое сильное физическое и самое сильное нравственное чувство, одинаково дѣлали для Черногорцевъ непрерывную войну съ Турками необходимою. Война эта была двойная: рать (собственно война) и четованье. Перва была общимъ дѣломъ для всѣхъ племенъ, на которыхъ дѣлилась Черногорія; когда развѣивался алай-барьякъ (черногорское государственное знамя), всякій, кто только могъ поднять оружіе, спѣшилъ на защиту страны. Четованьемъ занимались, во всякое время, пограничные жители или вообще молодежь, собиравшаяся въ четы (отряды) для исканія добычи на турецкой землѣ. Четованья не считались войною и даже не воспрещались договорамъ; они становились все болѣе и болѣе выгодными для черногорцевъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало турецкое могущество. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., въ Черногоріи было замѣтно общее довольство и благосостояніе, всецѣло основанное на добычѣ; явилась даже торговля, состоявшая въ обмѣнѣ награбленныхъ предметовъ роскоши на предметы первой необходимости. Большаго неравенства между жителями не было; были, конечно, племенные (благородные) роды, въ которыхъ особая чрезвычайная храбрость переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и которые, сѣдовательно, приносили домой болѣе добычи. Но такъ какъ поддержаніе ихъ преимуществъ зависѣло отъ храбрости и искусства владѣть оружіемъ, то часто старые роды падали и возникали новые, даже изъ бѣднѣйшихъ; раздѣленія на классы не существовало и социальная борьба была бессмыслима.

Рѣшительный переворотъ въ экономическомъ и социальномъ, какъ и въ политическомъ устройствѣ Черногоріи, былъ произведенъ замѣною власти черногорскаго владыки княжескою властью. Владыка (митрополитъ) былъ выборнымъ верховнымъ предводителемъ и судьей вольнаго союза самостоятельныхъ и самоуправлявшихся племенъ, законы, нравы и обычаи которыхъ представляли большія различія между собою. Наслѣдникъ князя вносилъ принципъ монархической и даже самодержавной власти, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной въ Черногоріи. Съ наслѣдственнымъ княземъ явились и привилегированныя лица — его многочислен-